

Дмитрий СВИНЦОВ

г. Петрозаводск

Он родился дважды.

Первый раз –

12 апреля 1901 года

в Гельсингфорсе,

тогдашней столице Великого
княжества Финляндского,

входившего

в состав

Российской империи.

Вторично, под своим

настоящим именем

и фамилией

– Тойво Вякя –

полковник

Иван Михайлович Петров

воскрес из небытия

19 августа 1964 г.

в Калининграде,

почти через сорок лет

после того,

как начальник

13-й пограничной заставы

Сестрорецкого погранотряда

Тойво Вякя

был арестован

как «предатель интересов

трудового народа».

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ – 1
ОКТАБРЬ 1925 ГОДА. КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА
КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ОГПУ АРТУРА АРТУЗОВА

- Какую фамилию вы хотели бы носить?
- Мне все равно.
- Может быть, имя, отчество?
- Моего отца звали Юкка, сын Микко. Иван Михайлович по-русски.
- Очень хорошо. Иван Михайлович... Петров – подойдет?
- Вполне... Скажите, что со мной будет?
- Думаю, вас ждет самое страшное – кроме нас, вы будете единственным человеком, знающим, что Тойво Вякя не предатель... Ваши друзья станут вашими врагами. Не пытайтесь преодолеть их презрение, это опасно для вас и для дела... Свою прошлую жизнь забудьте, ее не было. Вам двадцать четыре года, Россия велика, на нашу помощь можете рассчитывать всегда и всюду. Желаю удачи.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ – 2
ОКТАБРЬ 1925 ГОДА.
КАБИНЕТ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОГПУ
РУДОЛЬФА МЕНЖИНСКОГО

«По уполномочию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, начальника заставы Сестрорецкого погранотряда... Петрова Ивана Михайловича... за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества наградить знаком ордена «Красное Знамя» – символом мировой социалистической революции...» Приказ о награждении подписан председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам Михаилом Фрунзе, номер ордена – 1990. Он был первым среди ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, ордена Дружбы народов, ордена Красной Звезды и первым из трех орденов Красного Знамени, которых был удостоен Иван Михайлович Петров.

19 августа 1964 года в газете «Неделя», воскресном приложении к «Известиям», главным редактором которой был тогда всемогущий зять главы государства Никиты Хрущева Алексей Аджубей, появились главы романа-хроники Льва Никулина «Мертвая зыбь». Из них читатели узна-

ли, как посредством монархической организации Центральной России «Трест», контролируемой советскими чекистами, был обезврежен легендарный английский разведчик Сидней Рейли. Это о нем создатель Джеймса Бонда писатель и разведчик Ян Флеминг сказал, что рядом с Рейли его Бонд выглядит учеником воскресной школы.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ – 3
25 СЕНТЯБРЯ 1925 ГОДА. 22.00.
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ГРАНИЦА

«До границы Рейли сопровождал финский капитан Рузенштрем и Радкевич (представитель белой эмиграции в Париже. – **Д.С.**). Добрались до Сестры-реки. На другом берегу появились две тени. Это были сотрудники ГПУ Щукин и пограничник Вяхи... Долго топали по грязи, добрались до телеги, которую подготовил Вяхи...»

Лев Никулин, как видим, пишет фамилию начальника погранзаставы неправильно, что может быть объяснимо: Москва могла не знать всех подробностей этой операции, которую проводил Питер, где всем руководил полномочный представитель ОГПУ Станислав Мессинг, и именно по его приказу начальник погранзаставы Тойво Вякя в течение двух лет держал на границе «окно в Европу», переправляя в советскую Россию и обратно виднейших представителей белой эмиграции.

Лев Никулин просто не предполагал существования живого Тойво Вякя: все те, кто занимался операцией «Трест», были уничтожены – кто в 1937 году, кто во время войн – сначала советско-финляндской, затем Великой Отечественной. Он остался единственным.

Возможно, именно то, что ему поменяли имя и фамилию, и спасло от смерти в 1938 году, когда Иван Михайлович Петров был арестован как враг народа и год провел в минской тюрьме.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«В январе 1918 года, в разгар Финляндской революции, вступил в финскую Красную гвардию Выборгского района, участвовал в боях против экспедиционно-го корпуса на территории Финляндии...»

В августе 1919 года добровольно вступил красноармейцем в отдельный интернациональный кавалерийский дивизион, участвовал в изгнании из Сибири войск

Колчака, освобождал Омск, Барабинск.

Курсантом 1-й Петроградской объединенной интернациональной военной школы участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа в 1921 году.

В 1922 году был в составе лыжного отряда Тойво Антикайнена, освободившего северную Карелию от белофиннов.

С марта 1923 по ноябрь 1937 года служил в пограничной охране ОГПУ – НКВД в должности от начальника заставы до командира части. Участвовал в боях на КВЖД в 1929 году».

Из автобиографии пенсионера Министерства обороны И.Петрова, 10.07.1965 г.

СТИХИ К ПОРТРЕТУ

*Никита Смышляев – герой чугуна,
Напечатан его портрет.
А о нем – об Иване – узнает страна
Спустя десятки лет.*

*Почему Иван Петров молчалив
И в тридцать лет поседел?..
Дела героя хранит архив
Особо секретных дел.*

.....

*Я поднимаю бокал вина
За славу наших знамен,
За героев, которых знает страна,
Но не называет имен!*

Из стихотворения Михаила Светлова «Тост».
Журнал «Знамя», №2, 1933.

P.S. Кстати, после окончания Высшей пограничной школы И.М.Петров получил назначение в Нерчинский пограничный отряд, который размещался в тех местах, где отбывали свои сроки декабристы. – **Д.С.**

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ – 4 НА ВЫХОДЕ ИЗ ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ НКВД БЕЛОРУССИИ. 31 ОКТЯБРЯ 1938 ГОДА. 24.00

«И.М.Петрова освободить из заключения за недоказанностью и выдать денежное довольствие по должностному окладу за все время нахождения в заключении».

И он заплакал.

С первого дня ареста его поместили в камеру «законченных дел», откуда только один путь – в загородные леса и болота, где другие обреченные рыли огромные рвы... Почти год он ожидал расстрела, но его все не брали, хотя не раз в камере оставался только он один.

«Чем можно это объяснить? Думаю, кто-то из знающих меня чекистов, возможно, по старым еще делам, где-то перечеркнул мою фамилию в какой-то партии, и, поскольку расстреливалось ежедневно (по заявлению наркома НКВД Белоруссии Бермана) не менее четырехсот человек, я оказался среди них бесхозным и обо мне забыли».

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«С конца 1939 года по январь 1946 года в рядах РККА – командир отдельного лыжного полка, командир 126-го стрелкового полка, а с началом Великой Отечественной войны приказом НКО № 0109 был назначен командиром 143-го армейского запасного полка и затем 936-го полка 254-й сд 11-й армии Северо-Западного фронта. 5 сентября 1941 года в боях под Старой Руссой тяжело ранен. До 1946 года служил заместителем начальника и начальником учебного отдела Златоустовского пехотного училища».

**Из автобиографии пенсионера
Министерства обороны
И.Петрова, 10.07.1965 г.**

Если бы, наверное, не роман «Мертвая зыбь» и телесериал «Операция «Трест», который снял Сергей Колосов, так бы и закончил свою жизнь полковник запаса Иван Михайлович Петров, коротая пенсионные будни прогулками с собакой и размышлениями о сломанной жизни.

Но после 30 августа 1965 года его жизнь резко изменилась: в этот день газета «Калининградский комсомолец» вышла с очерком ее главного редактора Алексея Авдеева, первым поставившим фамилию Петрова рядом с фамилией Вяля и первым давшем материалу о нем заголовок «Человек из легенды», который с тех пор неизменно с Петровым – Вяля связывается.

Но этот очерк еще и подвиг Ивана Михайловича, восстановившего наконец свое честное имя, самому взяться за перо, чтобы сказать правду о себе и о своей эпохе. А знакомство с писателем Яковом

Ругоевым и историком Ефимом Гардинным подвигло и на переезд в Петрозаводск, в Карелию, с которой у него было так много связано и куда он подумывал переселиться еще в конце 1950-х.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ – 5
КАБИНЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПАВЛА ПРОККОНЕНА. СЕНТЯБРЬ 1959 ГОДА

«На Ваше письмо сообщаем, что в городах Сортавала и Питкяранта исключительно напряженное положение с обеспечением населения жилплощадью. В настоящее время нет никакой возможности выделить квартиру в указанных городах. Изучался вопрос и по подысканию отдельного домика на побережье Ладоги, в связи с чем и задержались с ответом Вам, но ничего подходящего не оказалось. Поэтому гарантировать Вам выделение соответствующей жилплощади не можем».

Иван Михайлович посчитал тогда, что его приняли за рвача, хотя он предлагал продать свой дом в Калининграде и купить квартиру в Карелии. Олег Тихонов, написавший об Иване Михайловиче роман-хронику «Свидетель», прямо не говорит, что могло послужить отказом. Но вот что интересно: пути Петрова и Прокконена пересеклись впервые в 1939 – 1940 годах во время советско-финляндской войны. Только один вошел в атаку полк, а второй, тогда еще Павел Степанович Прокопьев, уроженец карельской деревни Ключина Гора, под именем Пааво Прокконена, министра Народного правительства Финляндии, созданного Сталиным, подписал среди других членов нового кабинета 1 декабря 1939 года «Декларацию Народного правительства Финляндии». Зачем был нужен Карелии еще один правдивый свидетель несправедливой советской агрессии? К тому же один из четверых оставшихся в живых участников лыжного похода Тойво Антикайнена на Кимас-озеро?

В 1976 году Иван Михайлович Петров (Тойво Вяяхя) вложит это письмо Прокконена в шикарный переплет полученного им диплома Почетного гражданина Петрозаводска.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ НИВА

Для того чтобы Петров переехал в Петрозаводск, много сделал Яков Ругоев. Он же вместе с тогдашним редактором журнала «Север» Дмитрием Гусаровым подталкивали Петрова к писанию воспоминаний. Оба понимали, какая значительная жизнь прожита их старшим товарищем. Неоценимо было участие в судьбе Петрова ленинградского прозаика Глеба Горышина и великого Константина Симонова, рекомендовавших Ивана Михайловича в члены Союза писателей СССР.

Так появились произведения И.М.Петрова (Тойво Вяяхя) «Красные финны», «В переломные годы», «Операция «Трест», «Ильинский пост», «Мои границы», «Трудные роды». О том, что было с Петровым и со страной, читатели сами могут получить яркое представление.

«Я, член партии с 18-летнего возраста, причастен к деяниям моей эпохи, каким бы знаком – плюсом или минусом – они не оценивались. Значит, не судья я и не обвинитель. Едва ли гожусь и в свидетели, ибо я соучастник», – написал он Константину Симонову.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ – 6
КАРЕЛЬСКИЙ ОБКОМ КПСС.
ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНАМИ ПАРТИИ.
НОЯБРЬ 1983 ГОДА

Выступает Иван Михайлович Петров (Тойво Вяяхя): «Все развалилось. Все надо начинать заново». Тишина в зале.

Петров обосновывает свои доводы – развал экономики, деградация самой партии, казнокрадство, коррупция, на государственную ногу поставлено пьянство.

«Нынешний благоустроенный руководитель – партийный, советский, профсоюзный ли или любой другой, имеющий от государства приличную квартиру, служебную машину, казенную дачу, – чуть богаче среднего кулака, имевшего пару лошадей, две-три коровы. Разница лишь в том, что такой «кулак» работал с раннего утра до позднего вечера, а современный чиновник все это получил в качестве приданого к своему общественному положению».

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Под Новый 1984 год ему пришло письмо: Петрозаводск, Петрову Ивану Михайловичу (Тойво Вяя), чекисту, писателю, отправитель – Москва, Донская площадь, штемпель Киевского вокзала, в конверте открытка.

«Что моя жизнь, оказывается, чего-то стоит, показывает такой факт. Я получил новогоднее поздравление. В конверте красивая открытка и в ней три слова «Недобитая старая сволочь!» Одно обидно – что старая».

Он умер 18 июня 1984 года.

Именем Ивана Михайловича Петрова (Тойво Вяя) названа пограничная застава, теплоход «Тойво Вяя» гулко окликает моря и океаны.

О живом Петрове пусть напомнят некоторые письма, которые писал он сам и которые присылали ему.

«Дорогой Иван Михайлович!

Пишет Вам сын Волынцева Константина Александровича, бывшего начальника заставы, которая находилась недалеко от Белоострова. Насколько я помню из его рассказов, ваши заставы были соседними... Вот что я запомнил. Примерно осенью 1925 года он получил приказ арестовать Вас. Это нужно было сделать, не применяя оружия. Место ареста и время ему были указаны заранее. Он с несколькими пограничниками прибыл к реке Сестре. На поляне Вы сидели на пеньке и, понуриив голову, смотрели в землю. Увидев отца, сказали, что давно его ждете. Передали маузер и пошли впереди него к машине, которая стояла невдалеке. Там он Вас передал чекистам из Ленинграда и больше уже никогда Вас не видел. Отец умер в 1968 году. Еще при его жизни в газете «Смена» была заметка о Вас. Я сразу же поехал к отцу. Он прочел и первый раз в жизни на моих глазах заплакал. Сказал: «Я всю жизнь не верил, что Вяя – предатель. Но какое мужество надо иметь... Леонид, если он еще жив и я не найду его, то найди ты и передай, что не все верили, что он предатель».

«Прочитал Ваших «Красных финнов». Этой книгой Вы поставили памятник не только красным финнам, прибывшим из Суоми. Но и таким людям, как Мессинг, Артузов, Стырне, Пилляр. Лю-

дям старой чекистской гвардии, подлинным рыцарям революции. Никто другой, кроме Вас, этого не смог бы сделать лучше, чем у Вас сделано, и Вы, конечно, имеете право испытывать великое чувство исполненного долга перед товарищами, еще живыми, и теми, кого уже нет, но память о которых не умрет благодаря Вашей книге».

**Из письма И.М.Петрову (Тойво Вяя)
бывшего первого секретаря ЦК КПСС
Карело-Финской ССР Геннадия Куприянова**

«Дорогой товарищ и друг Яков Васильевич!

...Я целиком во власти нового увлечения, столь сильного, что непреодолимо толкает меня в одном и том же направлении... Я начал изучение прошлых лет. Хочу понять мое время. Работаю как каторжанин. Но все еще в самом начале пути... Читаю много, пишу много и не меньше рву. В Восточном Забайкалье я часто бывал на приисках и следил, как разведчики ищут золото там, где по рельефу и геологическим признакам оно может оказаться. Именно может оказаться, но не более. На всей площади они копают шурфы, глубокие прямоугольные ямы. Очень много таких ям. Тысячи их. Каждый горизонт, фут по глубине, они промывают в отдельности, удаляют инородные тела, лишние компоненты. Так примерно делаю и я, но там глубина горизонта в футах, а у меня в событиях и годах...»

**Из письма И.М.Петрова (Тойво Вяя)
писателю Якову Ругоеву**

«Пишите, я Вас очень прошу. Вы сами, наверное, не знаете, какая большая необходимость для молодых в такого рода правдивых рассказах очевидцев. Будь я, как прежде, редактором, я бы посадил всех знакомых мне ветеранов за пишущие машинки, за магнитофоны и другие записывающие множительные устройства. И история меня бы оправдала. А может, и наградила бы грамотой райсобеса».

**Из письма И.М.Петрову (Тойво Вяя)
бывшего главного редактора газеты
«Калининградский комсомолец» Алексея Авдеева**

«Дорогой Сергей Николаевич!

Очень обрадовали Вы меня письмом, вниманием ко мне, добрыми чувствами, и я тяжело огорчен тем, что не в состоянии встретиться с Вами, пожать Вашу руку и публично поблагодарить Вас, хотя бы за то, что, конструируя телефильм «Операция «Трест», как и в дальнейшем, Вы так много внимания мне уделяли.

... В мои годы болезни – дело столь же обычное, как крепкое здоровье в более раннем возрасте. Не пишу о юности, поскольку у меня ее никогда не было. С 14 лет встал у токарного станка и в неполные семнадцать взялся за оружие. Впрочем, на мою долю и счастье выпадало. Вспоминаются три тифа, ранения, что-то еще, но были и солнечные дни, теплые и ласковые вечера. Совсем не так, как у Павла Корчагина, который, судя по фильмам о нем, не встречал в жизни ничего, кроме холода, буйных ветров, тифа и наводнений.

Возможно потому, что жизнь была ко мне добра, я так много хорошего в ней нашел, в том числе и хороших людей, и среди них и Вас, Сергей Николаевич. Не только могу, но просто обязан сказать, перефразируя чужие слова: «Я был счастлив в жизни земной!»

**Из письма И. М. Петрова (Тойво Вяя)
кинорежиссеру Сергею Колосову**

«Дорогой Саша!

Сегодня у меня день удивительный. Получил письмо из Ферганы. Пишет мой бывший подчиненный на польской границе Сейфер, который принял меня по выходе из тюрьмы, принял радостно, с ванной, бритьем, бельем и пр. Я о нем часто вспоминал, даже справки наводил. Я его в БССР (Белоруссии. – Д. С.) искал, а он оказался в Фергане! Жена его, тоже еврейка, и дочь погибли в немецких лагерях... Сейчас же написал ему доброе письмо, поблагодарил. Правда. Жена была сильнее его, но без его участия и она не решилась бы на такое в те годы – принять «врага народа». Хоть и помилованного...»

**Из письма И. М. Петрова (Тойво Вяя) другу,
генерал-лейтенанту в отставке Александру Чеснокову**

**Иван Михайлович Петров (Тойво Вяя)
в последние годы жизни**

«Дорогой Иван Михайлович!

Я прочел «Ильинский пост» с большим интересом по двум причинам. Во-первых, потому, что передо мной в ряде незнакомых мне, но по моему человеческому чутью достоверных подробностей предстало время, мне неведомое. Да вдобавок все происходит у Вас в очень интересных для меня местах. Вторая причина, почему я прочел с интересом и сочувствием Вашу вещь, – это та человечность, которой веет от личности рассказчика. Для меня в данном случае это одно и то же. Человечность эта – суровая, не мягкотелая. Не абстрагированная от обстоятельств времени, его взглядов и нравов. Такая человечность для меня особенно дорога и, если можно так выразиться, – убедительна. Такую человечность проявлять нелегко. И прежде всего нелегко потому, что она – не слово, а дело».

**Из письма И. М. Петрову (Тойво Вяя)
писателя Константина Симонова**

«Здравствуйте, Мура и мои маленькие!

Итак, я на месте. Встретил несколько старых соратников по боям 1918 года и последующих годов. Старое, пережитое обязывает, потому здесь собрались те немногие из старой гвардии, которые с честью несли знамя борьбы все эти бурные годы. Я бесконечно счастлив, что так же, как 22 года тому назад, могу быть полезен моему классу. Я знаю, тебе тяжело, но уверен, и ты не хотела бы иного!»

**Из письма жене Марии Сергеевне
29 января 1940 года**

«Я с вами не совсем согласна, что у Вас «все уже было и ничего больше не будет». По-моему, жизнь интересна в каждом возрасте... Ведь Вы же должны иметь какое-то удовлетворение от жизни. Если у Вас еще слышат уши и видят глаза! Вы в курсе всех международных событий, окружены любящими людьми, являетесь уважаемым всеми человеком, Вам благодарны люди за Ваши славные дела в молодости и за книги – теперь».

**Из письма И.М.Петрову (Тойво Вякя)
Веры Фраучи, сестры Артура Артузова**

«Дорогой Юрий!

Давайте помечтаем. Пройдут годы, десятилетия или даже века, исчезнут границы, и люди проложат тропу к этой могиле, единственной могиле красных финнов из четырех стрелковых полков и множества отрядов, павших за власть Советов от Сызрани до подступов к Петрограду, в Карелии, Архангельске и под Варшавой.

И надо, чтобы могила в Кимасозере сохрани-

лась. Чтобы она сохранилась, там непременно надо соорудить хотя бы простейшее прибежище для туристов и сказать всем, идущим по лыжне Антикайнена: «Идите до могилы красных курсантов, всего 20 километров, и посмотрите то, что не всем дано, – могилу людей, которых вела романтика...» Верю, будет время, когда вспомнят всех. Надо только не потерять последней нити.

Ваш И.Петров».

**Из письма бывшему секретарю
Муезерского райкома КПСС Юрию Власову**

«Всадник и конь под дождем и свирепым осенним ветром стояли в тайге. Темно, циферблат часов не виден, но по усталости в ногах и нетерпеливому переступу обычно спокойного и хорошо выезженного коня Всадник заключил, что стояли они уже никак не меньше трех часов. Он устал, промок и промерз, но знал: так они будут стоять до рассвета и еще с полчаса, чтобы окончательно убедиться, что тот, так ему нужный человек, не пришел и даже израненный не дополз. Тот – смел. Не остановят его опасности: ни дождь, ни высокая волна на реке ему не помеха. Значит, придет он именно в эту ночь, как было согласовано, или, что тоже случалось, – не придет больше никогда...»

Из последнего рассказа И.М.Петрова (Тойво Вякя) «Конь и Всадник», опубликованного в декабре 1983 года журналом «Север»

**Письма публикуются по роману-хронике
Олега Тихонова «Свидетель».
Петрозаводск, «Карелия», 1990.**

Дмитрий Германович СВИНЦОВ

окончил Карельский государственный педагогический институт.

Его поэзия публиковалась во многих российских журналах, сборниках, антологиях.

*Автор книг «Окна настезь»,
«Петровская набережная», «Портрет с часами».*

*Перевел с французского и финского на русский язык стихотворения
Ш.Бодлера, Ж. Кокто, Ж. Превера, Б. Виана, Я. Ругоева, Т. Флинка.*

Член Союза писателей России, Союза журналистов России,

Союза театральных деятелей России.

В «Севере» публикуется с 1977 года.

